Лист О. Шумського Й. Сталину від 11 березня 1936 р.

ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ

В телеграмме ЦК мне дан совет заняться собиранием реабилитирующих меня материалов. Но все материалы в Москве, а я в Красноярске и в Москву меня не отправляют. На три телеграммы об этом в НКВд я не получил даже ответа. Таким образом, на деле я оказываюсь лишенным той возможности реабилитироваться, которая предоставлена мне телеграммой ЦК. Эту телеграмму ЦК я понимаю, как согласие ЦК рассмотреть мой вопрос, а это значит смыть наклеенные мне обвинения, так как я уверен, что они разлетятся, как и всякая ложь, как только будут подвергнуты человеческой критике; помимо того, что я имею сказать ЦК в свое оправдание. Отправку в Москву я считал само собой разумеющейся, так как мне должны быть сообщены материалы обвинения, чтобы я имел возможность их опровергнуть. Здесь же я не располагаю даже копиями моих писем в ЦК, в которых я опровергал обвинения, случайно становившиеся мне известными. Даже эти копии в Москве, так как они систематически у меня отбирались. Я уж не говорю о том, что я надеялся получить в Москве медицинскую помощь. Отсутствие ответа НКВд на мои телеграммы я рассматриваю как отказ отправить меня в Москву. А это значит фактически аннулировать, данную мне телеграммой ЦК, возможность к реабилитации, так как в моем положении здесь ни о каком собирании материалов не может быть и речи. Прошу указаний ЦК.

(–) ШУМСКИЙ

Р.С. Посылаю почтой этот дубликат телеграммы, отправленной через аппарат НКВД 11/3-36 г.

(–) ШУМСКИЙ

ЦДАГО України, ф. 263, оп. 1, спр. 55475, т. 1, арк. 81. Засвідчена копія. Машинопис.

Лист О. Шумського Й. Сталіну, Л. Кагановичу та Л. Берії від 31 липня 1939 р.

ЦК ВКП(б) тт. Сталину, Кагановичу

НКВД СССР тов. Берия

Шумского А.Я.

Я вновь о себе напоминаю. И на этот раз уже с жалобой на органы НКВД. В самом деле, если такие вещи, как то, что я, находясь в положении подследственного заключенного, лишен нужного мне лечения и обречен на инвалидность и гниение; если эта же бесконечная подследственность лишает меня всяких сведений о моей семье и родных; если все это можно отнести к области сантиментов и так называемая, реальная политика может пройти мимо всего этого, – то есть вещи, игнорировать которые никому права не дано, в том числе и органам НКВД. Я имею в виду закон.

Органы НКВД, очевидно, подозревают меня в намерениях нарушить закон* и поэтому арестовали меня и держат в предварительном заключении вот уже около двух лет, грубо нарушая этим закон. Ибо, насколько мне известно, нет такого закона, который дал бы право органам НКВД держать человека в заключении без следствия в течение двух лет. Моя болезнь ведению следствия не мешает. Я об этом заявлял неоднократно и устно, и письменно, – так как я лишь не могу ходить, но могу говорить и даже писать.

Подлинные причины этой волокиты и нежелания следственного аппарата браться за это следствие мне понятны. ибо кому охота обвинять человека за «несодеянное». Но в таком случае нельзя же и гноить меня в тюрьме.

Я прошу ЦК снять с меня клеймо клеветы и общественного позора и дать мне возможность остаток моих сил отдать делу партии, делу революции.

31.VII.39

(Шумский)

* Підкреслено автором листа.

ЦДАГО України, ф. 263, оп. 1, спр. 55475, т. 5, арк. 25. Оригінал. Рукопис.

Лист О. Шумського Й. Сталину від 18 вересня 1945 р.

Лично
МОСКВА, КРЕМЛЬ, ПРЕДСОВНАРКОМА СССР тов. СТАЛИНУ

Я протестую против расправы надо мной. Расправы без дневного света гласности, без предъявления мне каких-либо обвинений, без возможности защищаться! Сколько я не писал во все инстанции Убеждал. Просил. Доказывал. И все тщетно. Почему?

Один из приспешников Ягоды сказал мне уже в Красноярске: «Вам не отвечают, потому что Вы голодовкой занимаетесь. Это контрреволюция». Черт возьми да и голодовку то я ведь начал именно потому, что мне никто не отвечал на мои просьбы и заявления. Я ведь объявил голодовку после двух с лишним лет следственного издевательства и глумления надо мной, после бесчисленных и бесплодных просьб выслушать меня по-человечески, так как я ни в чем неповинен перед партией.

А что же мне было делать, когда обращения мои упирались в глухую непроницаемую стену «строгой тюремной изоляции», которой окружала меня банда Ягоды–Балицкого? Покориться судьбе?

Меня схватили и посадили в тюрьму. Я считал, что мне будет предъявлено какое-то обвинение. Но проходит год, другой; меня возят по тюрьмам Союза – из Ленинграда в Москву, из Москвы в Харьков, из Харькова в Киев, из Киева опять в Москву в поисках материала; происходит жульническая стряпня дурацкой чепухи, время идет, а никакого обвинительного акта мне не предъявляют. Да и предъявить его, разумеется, не могли. Он мог быть высосан лишь из грязных лап Балицко–ягодинской шайки бандитов, а не из моей общественно-революционной деятельности.

Что же мне было делать в таком положении?

Что мне было делать, когда наглость этой шайки, провоцировавшей меня на эксцессы, была так вызывающа, что у меня тогда уже не оставалось

сомнений в том, что мои обращения в ЦК и к вождям партии не выходят из стен тюрьмы. А после того, как шайка Ягоды–Балицкого разоблачена и расстреляна, кто может сомневаться в ее черных, грязных делах?

Тогда у меня не было иного выхода, кроме протеста голодовкой, жизнью. Реабилитация или смерть. Когда шайка ягодинских жуликов убедилась, что именно так стоит вопрос, эти коварные шантажисты в критический момент моей голодовки пошли на подлый трюк: они привезли ко мне жену.

Мог ли я отказать в просьбе жены, самого близкого и дорогого мне человека, прервать голодовку, чтобы дать ей срок съездить в Москву и добиться моей реабилитации? Она не только просила, она требовала, чтобы я не лишал ее возможности спасти жизнь невинно гибнувшего человека, ее мужа, отца ее ребенка.

Человек благородной души, глубокой честности и правдивости, она верила, что правда восторжествует, что она добьется моей реабилитации. Она верила, что правду в Москве выслушают, правде поверят и правда победит. За это она поплатилась жизнью. Коварные провокаторы! Они дважды привозили жену ко мне в Красноярск по своим командировочным удостоверениям и литерам, чтобы она сорвала мою голодовку, а потом бросили в тюрьму «за соучастие» как жену «государственного преступника».

Она погибла в тюрьме. А мне, «государственному преступнику», в декабре 1939 года, после шестилетнего следствия выдали справку, что дело мое «следствием прекращено за отсутствием состава преступления» и перевезли из тюрьмы в нервную больницу «на излечение», где я лечусь и по сей час.

После гибели жены остался сын подросток. Он нуждался в моей поддержке. Это связало меня на время, пока он вырастет. Война застала его уже студентом и в первый день ее он ушел добровольно на фронт рядовым. А в конце 1942 года меня известили, что сын мой убит под Москвой в чине старшего лейтенанта гвардии.

С наступлением войны я тоже предложил свои услуги быть полезным, чем могу. Но и это мое обращение осталось без ответа.А по окончании войны я

вновь обратился с просьбой о реабилитации. Я написал во все инстанции и всем, кто к этому имеет отношение. Но тщетно. Никто мне не ответил.

Я протестую против этого бойкота моих просьб и обращений; против опорочения моего имени; против совершенного надо мной произвола; против келейности, в которой произведена надо мной расправа; против лишения меня возможности защищаться. Я протестую против дискриминации по отношению ко мне. Если меня кто обвиняет в чем, так пусть делает это гласно, чтобы я мог защищаться. Я не боюсь никаких обвинений. При дневном свете гласности все они, вся грязная ягодинская стряпня разлетится, как дым по ветру. А раз нет никаких обвинений (а их не было и быть не могло), то я требую реабилитации публичной.

(–) Шумский

23/VIII – 45 г.

Красноярск, горбольница

ШУМСКОМУ Александру Яковлевичу

Нет. Стену лбом не прошибешь

Надо кончать

18/IX-45 г. Шумский

ЦДАГО України, ф. 39, оп. 4, спр. 237, арк. 43–44. Фотокопія. Машинопис.

УДК [930.253:94](477) «1936/1945»

Публікація Світлани Іванівни ВЛАСЕНКО, кандидата історичних наук, начальник відділу використання інформації документів Центрального державного архіву громадських об’єднань України